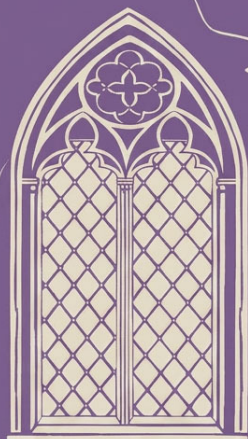
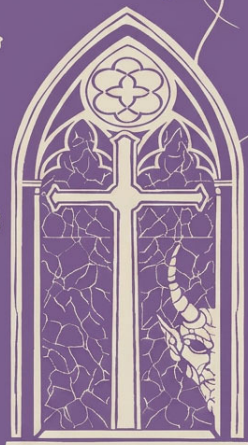

ФРЕДЕРИК СУЛЬЕ

Мемуары Дьявола

Том 5

Фредерик Сулье
Мемуары Дьявола. Том пятый
Серия «Магистраль. Главный тренд»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74575621
ISBN 978-5-04-256528-1

Аннотация

Пятый том мистического романа «Мемуары дьявола».

Очнувшись в дилижансе, следующем в Париж, Луици понимает, что провалился в забытие. Чтобы заполнить пробелы в памяти, Дьявол рассказывает ему мрачные истории его попутчиков: о жестоком насмешнике Гангерне, доведшем людей до убийства, и о юном Фернанде, который совершает грех в комнате, где останавливался Папа Римский.

Содержание

Глава I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Фредерик Сулье

Мемуары Дьявола

Том пятый

Frédéric Soulié

LES MÉMOIRES DU DIABLE

© Трынкина Е. В., перевод на русский язык, 2025

© Пахсарьян Н. Т., статья, комментарии, 2025

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

* * *

Глава I

Сестра милосердия

Встреча с шуанами¹

Речь шла о побеге из сумасшедшего дома, и Луицци охотно поспешил за своим спасителем из преисподней. Пока они пробирались по, казалось, бесконечному заведению для умалишенных, все шло как нельзя лучше: двери и решетки распахивались перед Сатаной по мановению его руки, Арман торопливо проскакивал следом. Но как только они оказались в чистом поле, началась настоящая жуть. Стояла непроглядная темень; порывистый ветер сек лицо барона нескончаемым ледяным потоком дождя. Раскисший от непогоды дорожный грунт прилипал к его когда-то модной обуви, превратившейся в некое подобие болотных мокроступов; время от времени грязная жижа, словно трясина, засасывала один

¹ *Шуаны* – собирательное имя участников контрреволюционных мятежей на северо-западе Франции в 1792–1793 годах. Возникло от прозвища предводителя восставших в 1793 году в Нормандии и Бретани Жана Котро – Шуан – Chat-huant – Сова. С этой главы 19 ноября 1837 года началась публикация фрагментов романа в «Журналь де Деба».

из башмаков, заставляя нашего героя на ощупь разыскивать его в темноте. Сатана же с легкостью вышагивал по почти непролазной топи, словно прогуливался по привычным для своих владений пылающим углям. Он терпеливо и безмолвно дожидался, пока в очередной раз обуется ругавшийся на чем свет стоит Луицци. Затем дорога втянулась в тесную ложбину между обрывистыми кручами, увенчанными колючей лесной чащобой. Необъятные дубы и столетние вязы, там и тут возвышавшиеся над густым кустарником, простирали толстенные сучья над узкой дорожкой и перекрывали ее на всю ширину, как бы стремясь обменяться рукопожатием с ветвистыми собратьями на противоположной стороне.

Ветер, словно полк небесных драгун в лихой атаке, с неистовым победным ревом пронесился через заросли и деревья, унося с собой плененные толпы листьев, похожие во мгле на удирающие в панике воробьиные стайки. И вдруг, как если бы незримые эскадроны натыкались на стойкую оборону, все затихало ненадолго; побитое войско откатывалось и возвращалось назад, но уже расстроенными и стонущими от ран рядами; завихрения листвы, постепенно успокаиваясь, опускались на влажную землю, будто рассеянные и поредевшие от картечных залпов отряды утомленных воинов. Стихия, взяв минутную передышку, умолкала, и тогда слышался шелест падающего на деревья дождя, заунывное уханье совы и отдаленный петушиный крик. Но грозная буря не сдавалась и опять раскалывала пространство на ча-

сти, то нанося могучие глухие удары, то разрывая слух иступленным визгом; гроза – не из тех, гремучих и величественных, что вспарывают небо всесокрушающей молнией, заполняют небо повелительными раскатами грома и объемлют душу святым и восхищенным ужасом, внушая неодолимое желание с непокрытой головой впитывать ее живительную теплую влагу и наэлектризованную атмосферу, нет, эта буря принадлежала к тем рожденным во мраке, что сжимают сердце тоской и обволакивают тело холодом; в такую черную грозу тщательно закрывают окна и двери, держатся поближе к пылающему очагу или же с головой прячутся под одеяла, укладываясь спать.

Тем не менее Луицци покорно плелся за Сатаной, а утомительная ходьба не оставляла ему возможности для расспросов. По мере продвижения он уставал все больше и больше и, в конце концов не выдержав, раздраженно проворчал:

– Вот чертова дорога! Она что, ведет прямо в ад?

– Дорога в ад, о повелитель, – откликнулся Сатана, – легка и удобна; посередине она вымощена камнем для колесных экипажей знатных господ, а по обочинам обустроена асфальтовыми тротуарами для пешеходов попроще; ее затеняют огромные липы и цветущие деревья, несущие приятную прохладу; она пролегает между симпатичными домиками с многочисленными злачными заведениями и шикарными ресторанами, где всем заправляет рулетка и развеселые девицы, выряженные под великосветских дам. Там можно вкусно

поесть, вдоволь попить и поспать; там в любой час и на каждом шагу проматывают состояния, здоровье и самую жизнь – дорога в ад по своему великолепию напоминает мне Итальянский бульвар², каким он однажды станет.

– Тогда, должно быть, мы идем по пути к добродетели, – с горечью хохотнул барон.

– Возможно.

– Уж очень этот путь тернист и неприветлив.

– Никак притомились, ваша милость? Вы что, полуголодный подросток в лохмотьях, как большинство крестьянских детей в здешних краях? Или согнутый над палкой слепец? Или слабая бледная девица? К тому же господин барон спешит по этой дороге, как мне кажется, не во имя спасения несчастного незнакомца; он мужчина в самом расцвете сил, и других забот, кроме созданных его же дурной головой, у него нет.

– Пусть так, – вздохнул Луицци, – но я сильно сомневаюсь, что еще хоть одно сколько-нибудь разумное существо отважится на подобный переход в такую непогоду! Разве что господа ночные разбойники, но, как мне кажется, они никак

² *Итальянский бульвар* – один из самых модных аристократических бульваров Парижа, расположенный в IX округе между улицей Ришелье и Шоссе д'Антен. По мнению А. Ласкара, устами Сатаны моралист Ф. Сулье сообщает читателям, что дорога в ад не трудна, а, напротив, весьма привлекательна и находится в по-стороннем мире. Интересно, что писатель говорит об «асфальтовых тротуарах», – таким образом, слово «асфальт» появилось ранее 1842 года, хотя Исторический словарь французского языка Робера дает именно эту дату.

не похожи на умирающих от голода детей, немощных слепцов или бледных девиц.

– Скоро конец, – утешил Дьявол Армана. – На перекрестке нескольких дорог ты повстречаешь мальчика, старика и девушку. Попросись у них на ночлег.

– Под каким предлогом?

– Скажи, что заблудился.

– Они мне не поверят; это же абсолютно невероятно – встретить посреди ночи благовоспитанного с виду человека на забытом Богом и людьми проселке. Они примут меня за грабителя.

– Ты меня удивляешь. Разве нет в этой жизни других вариантов, кроме богача, который несется по большой дороге в почтовой берлине, или бандита, что выходит в темную ночь на разбойную тропу? Бывает, расчет, бедность или несчастье гонит людей на улицу в бурю пострашнее.

– Но они же спросят, как меня зовут... Неужели поверят, что барон де Луицци оказался здесь в столь роскошном выезде?

– Если ты назовешься, то они примут тебя за сбежавшего из сумасшедшего дома, что, впрочем, святая правда, ибо имя твое известно в этих краях. Так что лучше бы тебе придумать имя и род занятий, чтобы опять не попасть впросак.

– Ты меня бросаешь?

– А что я тебе обещал? Вернуть свободу? Ты на воле. Состояние? В Париже тебя ждут двести тысяч ренты. Твоему

банкиру, в отличие от многих других, Июльская революция пошла на пользу; он поправил свои дела и в том числе заставил Ригу отказаться от претензий на твои владения.

— А добрая репутация?

— Ты оправдан судом присяжных; ведь все свидетельствовало о твоей невменяемости в течение долгого времени, а поскольку нотариус выздоровел и прекрасно себя чувствует, то прения по делу были недолгими.

— И я вернусь в общество подобно беглому каторжнику.

— Заблуждаешься, повелитель; проступки такого рода общество легко прощает и быстро забывает.

— Но почему?

— Потому что нет видимого мотива. Если бы ты попытался прикончить человека, чтобы завладеть его деньгами, женой или именем, то, конечно, стал бы отверженным; если из ненависти или мести, то считался бы отъявленным мерзавцем; но ты хотел убить, чтобы убить, ты просто одержимый, тебя охватил приступ безумия, а современная юриспруденция припасла массу неопровержимых аргументов в защиту таких людей и только разжигает интерес к ним. Этими недавними нововведениями я обязан одному молодому адвокату, который и в будущем, надеюсь, окажет мне немало услуг. К тому же в революционной буре, пронесшейся только что над Францией, твое дело совершенно затерялось. Большая часть знакомых тебе людей и не слышала о нем, а переменив круг общения, ты и вовсе будешь чистеньким.

– Но где мы сейчас? Далеко ли от Парижа?

– В восьмидесяти лье.

– Как называется эта местность?

– Мы неподалеку от Витре.

– А как я доберусь до столицы без гроша в кармане?

– Это меня не касается.

– Наверное, есть какой-либо способ раздобыть деньги...

– Целых три: занять, украсть и заработать. Выбирай. А я сдержал все свои обещания. Удачи.

Они добрались как раз к месту, где дорога расходилась в нескольких направлениях; Дьявол исчез, а Луицци различил в считанных шагах силуэты трех путников и услышал громкий вопрошающий голос:

– Кто идет?

– Ой, люди добрые, – жалобно запричитал Луицци, – я невезучий путник, подвергшийся разбойному нападению; бандиты отобрали все деньги и документы, бросили в каком-то лесу, и я плутаю уже битых два часа в поисках дороги из Лавалья в Витре³.

Едва Луицци закончил говорить, как к нему бойко подскочил сорванец лет двенадцати, тщательно изучил со всех

³ ...из Лавалья в Витре. – Лаваль – городок в департаменте Майенна, в 274 км на запад от Парижа, на скрещении трех провинций – Бретани, Анжу и Нормандии. Витре – городок в Бретани, в департаменте Иль и Вилен. Следствием революции 1830 года были народные волнения на западе Франции. В 1832 году небольшие стычки с правительственными войсками происходили в окрестностях Нанта, то есть южнее Лавалья и Витре.

сторон и с легким презрением в голосе заключил:

– Это барин, дедушка.

– Смотри хорошенько, Матье, – отозвался старик.

Тут же послышался нежный женский голосок:

– И что же вы хотите, добрый человек?

– Укрыться где-нибудь на ночь, если это вас не очень стеснит...

– Ничуть, – ответил старик. – У нас еще никто не спит; одним больше у печки – теплее будет. Идемте же, сударь, вам, должно быть, нужно согреться.

– Дедушка Брюно, – сказал мальчишка, – мы уже в двух ружейных выстрелах от дома; я побегу вперед – предупредить, что с нами сестра Анжелика и барин; здесь вы уже не собьетесь с пути, нужно только идти прямо по этой тропинке.

– Хорошо, – ответил старик, ступая на указанную дорожку, – давайте же поторопимся.

Луицци удивлялся легкости, с которой слепец поверил в его басню; но еще больше он изумился, когда старик заговорил о его вымышленных приключениях словно о самом обыденном деле.

– И сколько их было, этих разбойников?

– Дюжина, не меньше. – Тщеславие не позволяло барону покуситься на численность его победителей.

– А вы не подметили среди них этакого высоченного крепыша с козьей шкурой на плечах и в красном колпаке вместо

шляпы?⁴

– Да-да, – откликнулся Арман, – похоже, среди прочих был такой длинный и примерно в таком наряде.

– Так я и знал, – проворчал слепец, – это шайка Бертрана. Эх, кабы целы были мои глаза, показал бы я поганцу, как бесчинствовать в наших местах! Уж он-то знает, как я метко стреляю, вернее, стрелял когда-то.

– Но, – вмешалась сестра Анжелика, шедшая рядом со стариком, – разве раньше Бертран не был вашим другом?

– Что верно, то верно; во времена республики мы с ним хором кричали: «Да здравствует король!», – и думаю, что если бы я не вынес полумертвого Бертрана с поля битвы под Круа-Батай⁵, то его похоронили бы вместе со святыми отцами, которые полегли все до единого в тот знаменитый день. Но то была благородная, священная война; мы не грабили одинокие дома, опустошая их винные погреба, не раздевали припозднившихся путников на больших и малых дорогах; ведь эти банды, надо полагать, забрали у вас все, сударь?

– Все! Абсолютно все! – поспешил заверить барон.

– Трусливые шакалы!

⁴ ...в красном колпаке вместо шляпы? – Речь идет о тайном стороннике Республики. В годы революции сторонники республиканского строя носили красный фригийский колпак, подобный тем, что в Древнем Риме носили освобожденные рабы.

⁵ ...с поля битвы под Круа-Батай... – Имеется в виду один из эпизодов войны с шуанами. В 1793 году сторонники Жана Шуана (Жана Котро, см. примеч. 1) встретились с вандейцами точно на середине пути между Лавалем и Витре.

– Но, папаша Брюно, – возразила сестра милосердия, – вы же рассказывали, что несколько часов назад они отважно бились...

– Что правда, то правда; мы позволили красноштанникам⁶ унести ноги, оставив открытым проход в изгороди вокруг хутора, но если бы мы, шуаны, ударили с тыла, то перебили бы супостатов всех до одного!

– И в тот момент раненый офицер укрылся в вашем доме? – спросила сестра Анжелика.

– Он не укрывался. Пуля настигла его перед изгородью, а поскольку славный малый был впереди в атаке и последним при отступлении, то его солдаты, удиравшие без оглядки, не заметили, как он упал, а шуаны, преследуя врага, сочли его мертвым. И только через два часа мой сын Жак, обходя хутор, обнаружил истекавшего кровью офицера, и мы занесли его в дом. Жак отправился за врачом, и поскольку ни один из лодырей-работников не отважился в такую ночь пойти за вами, то пришлось мне потряхнуть стариной. К великому моему несчастью, вот уже полгода, как я потерял зрение, и Матье вызвался мне помочь.

Вот так переговариваясь, папаша Брюно, сестра Анжелика и Луицци подошли к небольшому хутору, обнесенному изгородью наподобие той, что преграждает проезд

⁶ *Красноштанники*. – Как замечает А. Ласкар, в правительственных войсках носили форму голубого, с 1815-го – белого, а с 1820-го – снова голубого цвета. С 1829 года цвет панталон стал ярко-красным. В народе их часто называли «венгерскими штанами».

в заповедные королевские леса. Когда спутники проходили через оставленные с двух сторон узкие проходы, барон, сильно обеспокоенный проявленным к нему любопытством двух огромных псов, с пристрастием обнюхавших незнакомца, увидел довольно длинный ряд неказистых одноэтажных строений. Одна из дверей, распахнутая настежь, позволила бы заглянуть внутрь ярко освещенного дома, если бы на крыльце не толпились какие-то люди.

– Это вы, отец? – раздался зычный голос, перекрывший шум дождя и завывшего с удвоенной силой ветра.

– Я, сынок, я! – прокричал старик.

Стоявшие на пороге тут же отступили, освободив проход. Слепец вошел первым, передал свою накидку из козьей шкуры внуку, который повесил ее на гвоздь поближе к очагу, где уже сушилось несколько подобных одеяний.

Обладатель зычного голоса уселся возле очага, поставив ноги на подставку для дров и упершись подбородком в ладонь руки, а локтем – в колено. Внимательно проследив, как Матье помогал деду устроиться поудобнее возле огня, он обернулся к сестре милосердия, уже отдавшей служанке просторную черную накидку, и ткнул пальцем на внутреннюю дверь.

– Жена там, рядом с больным, – сказал он. – Пройдите к ним на минутку, взгляните на предписание, оставленное врачом; он просил показать его вам. Если нет ничего срочного, то возвращайтесь сюда – вам, верно, нужно согреться,

ведь погода сегодня – жуть.

Сестра зашла в указанную им комнату, а глава семейства обратился к барону:

– Присаживайтесь, сударь, милости просим к нашему очагу. Они не оставили вам даже накидки, и это в такой-то потоп! – добавил он, разглядев промокшего до нитки барона. – Вам нельзя оставаться в таком виде, а то простынете, как лягушка! Марианна! Найди и отнеси в комнату раненого какую-нибудь одежду для барины, а затем оставьте его там, пусть переоденется. Простите, сударь, у нас в доме всего две комнаты, но мы сделаем для вас все, что сможем.

Луицци хотел поблагодарить крестьянина, но тот снова закричал, теперь уже раздраженно:

– Эй, кто оставил открытой дверь? Вы что, хотите получить из леса пару ружейных зарядов на огонек? Заприте все засовы!

– Отец, это я, – ответил малыш Матье. – Во дворе Лион и Белло, они не подпустят чужака и на пушечный выстрел!

– Ну хорошо, – смягчился Жак, а затем пробормотал сквозь зубы: – Чужаков-то я как раз и не боюсь, а вот старых приятелей, хорошо знакомых собакам...

– Ты прав, – поддержал его слепец. Он поставил босые ноги на собственные башмаки, чтобы побыстрее согреться. – Ты прав, сынок; судя по тому, что рассказал мне этот господин, его ограбила шайка Бертрана.

– Вы знаете Бертрана? – спросил Жак у Луицци.

– Нет, – ответил барон, – но ваш отец описал мне его. Очень высокий...

– Не один шуан такого же роста; и если вы его не разглядели...

– Уже стемнело, когда они остановили мой экипаж.

– Экипаж! – изумился Жак. – И где?

– Но... – замялся Луицци, уже жалея, что упомянул про экипаж, – на большой дороге из Витре в Лаваль...

– И откуда вы ехали?

– Из Витре, – в еще большем замешательстве ответил Луицци.

– А что стало с лошадьми и фореитором?

– Но я, право, даже не знаю...

– Бонфис, – крикнул хозяин дома одному из работников, починявшему вилы в углу просторной комнаты, – сходишь на почтовую станцию, узнаешь, есть ли новости о пропавшем экипаже. Сколько времени примерно прошло с момента нападения?

– Часа два, – необдуманно брякнул барон.

– Два часа? – повторил Жак. – Странно!

Он бросил на Луицци подозрительный взгляд, но в то же мгновение появилась его жена Марианна:

– Сударь, можете пройти в комнату; все готово.

Жак, не спуская с барона прищуренных глаз, махнул ему рукой, приглашая пройти. Переступив через порог комнаты, где находился раненый, Луицци чуть не столкнулся с выхо-

дившей отсюда сестрой милосердия и впервые разглядел ее лицо. Его черты ошеломили барона, как будто он когда-то уже встречался с этой женщиной, и, что было не менее удивительным, у него сложилось впечатление, что его собственная внешность произвела на Анжелику тот же самый эффект, так как она резко остановилась и тихо ахнула; тем не менее оба прошли дальше, и никто, кроме них самих, ничего не заметил. Луицци оказался в куда менее просторном помещении, чем первое; один угол полностью занимала большая кровать с вертикальными стойками и занавесками из зеленой саржи, плотно задернутыми, чтобы свет от слабенькой лампы не тревожил больного. На стуле лежала предназначенная барону одежда. Он переоделся, не прекращая копаться в памяти: когда и где он мог видеть это лицо? Но образ девушки, показавшийся поначалу столь ярким и близким, быстро растворился во множестве других воспоминаний, и он пришел к выводу, что сестра Анжелика просто поразительно похожа на кого-то из знакомых ему женщин.

Луицци воспользовался кратковременным одиночеством, чтобы поразмыслить о незавидном положении, в которое он умудрился попасть. Пришлось признать, что по собственной опрометчивости он сделал его весьма двусмысленным, и глупая привычка говорить все время: мои люди, мой экипаж — привела к огромным трудностям. В самом деле, ведь экипаж не мог исчезнуть бесследно; в судорожных размышлениях о возможных путях к выходу из затруднительной ситуации он

вдруг подумал о раненом офицере – может, стоит довериться ему и найти таким образом какую-то поддержку. Если он молод, подумал Луицци, то не так уж трудно будет убедить его, что меня несправедливо упекли в сумасшедший дом, и он поможет мне добраться до Парижа. Чтобы укрепиться в своей нечаянной надежде, барон отдернул занавеску, но, не различив черт лица в полумраке, хотел было взять лампу, как вдруг заметил за приоткрытой дверью Жака, проронившего сквозь зубы:

– А вы любопытны, сударь.

Захваченный врасплох этим упреком, Луицци, не желая показывать своего смущения, с необдуманно легкомыслием ответил:

– Вы знаете, в местных гарнизонах у меня есть друзья; я испугался, не ранен ли один из них, и хотел удостовериться, что это не так.

– В таком случае вы могли бы спросить у нас его имя, – буркнул Жак.

– А вы его знаете?

– Да.

– И как его зовут?

– Скажите лучше, как зовут ваших друзей.

Барону пришлось перечислить наудачу несколько фамилий; крестьянин сухо отрезал:

– Нет, не он. – Затем Жак сухо добавил: – Мы ждем вас к ужину.

Луицци ничего не оставалось, как подчиниться. В его отсутствие накрыли длинный стол, занимавший середину помещения; отец семейства расположился на стуле во главе стола, остальные расселись по деревянным лавкам. Вместе с упоминавшимися уже членами семьи ужинали две служанки и трое работников. Все было готово к трапезе, состоявшей, собственно, из тарелки тушеной капусты и гречишных лепешек. Когда барон занял указанное ему место между папашей Брюно и его невесткой, напротив монахини, каждый пробормотал про себя *Benedicite*⁷; только Луицци не принял участия в благочестивом обряде, что вызвало общее молчаливое осуждение. Каждый по желанию наливал себе сидр из кувшинчиков, расставленных по всему столу. Только рядом с хозяином дома стояла бутылка вина, и Жак предложил по стаканчику отцу и сестре Анжелике, поспешившей отказаться.

– Пейте, сестричка, пейте, – настаивал Жак, – вам нужны силы для предстоящей бессонной ночи!

– Я привыкла бодрствовать рядом с больными, – ответила монашка, – и не умею пить вино. Лучше предложите барину – а то, должно быть, сидр не придется ему по вкусу.

Жак нахмурился, но, не решившись открыто высказать свое раздражение проявленной юной монахиней заботой, протянул бутылку Луицци; но барон также решительно отказался, сказав, что не хочет ни пить, ни есть. Помолчав, он

⁷ Благослови (лат.).

добавил:

– Я просился только на ночлег; как только рассветет, я перестану вам докучать.

– Как вам будет угодно, сударь, – сказал Жак, – хочу только предупредить, что мы не можем предложить вам кровать на ночь...

– Нисколько на это не рассчитывал, – ответил барон. – С превеликим удовольствием побеседую до утра с сестрой Анжеликой, если, конечно, она мне позволит.

Монашка кивнула в знак согласия и впервые с начала ужина оторвала взгляд от барона, опустив глаза. Луицци рассматривал ее с нескрываемым интересом, но, не в силах припомнить, где он видел невинное и прекрасное личико сидевшей напротив девушки, вынужден был признать, что память опять подводит его.

Ужин подходил к концу в воцарившейся за столом полной тишине, на фоне тоскливых завываний бури, сотрясавшей двери и ставни. Общую встревоженность и смущение нарушила сестра Анжелика, обратившаяся к Жаку:

– В предписании доктора сказано, что нужно пропитать бинты и компресс как можно более холодной влагой, дабы успокоить болезненное раздражение. Было бы прекрасно, если бы в моем распоряжении имелась свежая вода.

– Жан, – распорядился хозяин, – принеси ведро воды из колодца.

Подручный выскочил во двор, а Луицци только сейчас за-

метил, что отсутствовал и тот работник, которому Жак приказал сбегать на почтовую станцию. Барон призадумался, предвидя новые неприятности, а Жак, поднявшись, крайне раздраженным голосом произнес:

– Ну, по последней – за здоровье раненого, и все, кому положено спать сегодня ночью, – на боковую!

Каждый налил себе, готовясь завершить трапезу по приглашению хозяина, как вдруг в проеме двери, оставленной подручным мальчишкой открытой, появился неясный силуэт и раздался насмешливый голос:

– Без меня пьете?

Все вскочили, а слепец вскрикнул, схватив лежавший на столе нож:

– Бертран! Бертран, старый прохвост!

Жак остановил отца; остальных обитателей дома, застывших на своих местах, казалось, охватил глубокий ужас. Марианна бросилась к своему мужу, но Жак, легонько отстранив ее, холодно проронил незваному гостю:

– Хочешь пить, приятель? Сидр для тебя всегда найдется.

– И винцо тоже есть, как я посмотрю, – сказал Бертран, подходя к столу и протянув руку к бутылке.

То был человек очень высокого роста, с длинными рыжими с проседью волосами, ниспадавшими на плечи, прикрытые козьей шкурой – обычным одеянием крестьян Нижнего Мена⁸ и Бретани. Вооружение его состояло из довольно до-

⁸ *Нижний Мен* – часть западного района Франции, где расположен департамент

рогой двустволки и охотничьего ножа с изысканным орнаментом на рукоятке и ножнах. Все смотрели друг на друга со страхом и тревогой, ожидая дальнейших событий; только Жак, положив руку на бутылку, за которой тянулся шуан, спокойно, но решительно отрезал:

– Не наглей. Бери, что дают.

– Как прикажешь, хозяин, – хмыкнул Бертран, не выказывая, впрочем, никакого раздражения.

Схватив кувшин с сидром, он залпом осушил его. Не успел он утереться рукавом, как со двора донесся неясный шум, а потом что-то загрохотало.

– Кто там? – спросил Жак.

– Это я, хозяин, – послышался голос Жана.

– Он принес холодную воду для раненого, – сказала сестра Анжелика, – пропустите мальчишку.

– Ага! – не предвещавшим ничего хорошего тоном произнес Бертран. – Значит, офицеришка здесь. Пропустите, – добавил он, – и смотрите хорошенько по сторонам!

Работник, вернувшись с ведром воды, поставил его в углу.

– Закрой дверь, – приказал ему хозяин дома.

Мальчик замялся.

– Оставь. Пусть будет открыта, – возразил Бертран, – так мои парни согреются хотя бы от вида огня в очаге.

Два человека с ружьями тут же заняли места по сторонам от порога, наполовину высунувшись наружу.

– Все на постах? – спросил предводитель шуанов.

– Да, – ответил один из часовых.

– Хорошо, – задумчиво пробормотал Бертран, подходя к двери и пристально всматриваясь в темноту.

Жак не спускал с него глаз, в то время как Марианна следила за малейшими движениями мужа.

– Ну, – Жак обратился к Бертрану, – ты скажешь мне наконец, зачем пришел?

Бертран молча прошел к очагу и неторопливо расположился у огня; Жак знаком приказал жене, сыну и батракам отойти в глубину помещения, а сам сел рядом с отцом, напротив шуана. Монахиня и Луицци тоже подошли к огню и встали между шуаном и крестьянином; казалось, они взяли на себя роль незаинтересованных посредников, ищущих примирения сторон в грядущих непростых переговорах. Бертран, опустив голову, поигрывал перевязью, на которой носил ружье, и как будто не осмеливался заговорить. В наступившей тишине ясно различался только молодецкий посвист бури, пытавшейся новым приступом расшатать дом.

– Я жду, – помолчав, напомнил Жак.

– Ты приютил у себя раненого офицера линейных войск, – резко бросил ему Бертран, словно обрадовавшись, что его наконец спросили.

– Ну?

– Отдай его нам.

– Он же умирает! – воскликнула сестра Анжелика. – Это

означало бы добить его!

– Даже если бы он чувствовал себя не хуже меня самого, ты не получил бы его, – с достоинством возразил Жак.

– Слушай, Жак, – заговорил снова Бертран, – я пришел к тебе как друг и пока что вежливо прошу то, что легко могу бы забрать силой...

– Что верно, то верно, – горько усмехнулся крестьянин, – ты запросто можешь перерезать мне горло, а также всем старым и малым в этом доме; что ж, давай действуй, если это тебе по нутру...

– Ты прекрасно знаешь, Жак, что я ничего не сделаю, – с досадой оборвал его Бертран, – хоть ты и отказался сражаться вместе с нами за правое дело.

– Сделаешь. Ведь по доброй воле я тебе офицера не отдам; а чтоб добраться до него, тебе придется переступить через мой труп, а также тела моих домочадцев и гостей...

– Ты изменился, – подозрительно прищурился Бертран. – Или полюбил вдруг новую власть? С чего вдруг ты заступаешься за незнакомого тебе человека?

– Я заступаюсь за него только потому, что, кем бы он ни был, он находится в моем доме, и я не позволю тронуть его хоть пальцем, так же как не дам в обиду жену, отца, детей...

И Жак, как будто внезапно вспомнив о чем-то, пришел в ярость и злобно закричал:

– Я не хочу, чтобы его трогали! Ни гвоздя, ни соломинки ты не тронешь в моем доме!

– Нам не нужны ни солома, ни гвозди в твоём доме, – с подчеркнутым спокойствием продолжал Бертран. – Но офицеришка – чужак, на кой ляд он тебе сдался? И вот еще что... Сегодня утром жандармы схватили Жоржа; они отправили его под конвоем в анжерскую кутузку. Так что, сам понимаешь, нам нужен заложник; если ты отдашь нам лейтенанта...

– Что ж вы не подобрали его сами сегодня утром, раз он так уж вам необходим? – едко спросил Жак. – Когда он подышал там, на дороге?

– Так получилось. Мы могли бы подобрать его и попозже... – замялся шуан.

– Когда он уже скончался бы от ран? – встала сестра Анжелика.

– Возможно. Ну и что – одним воякой стало бы меньше. Но раз уж он остался в живых, то пусть послужит для благого дела. Мы обменяем его на Жоржа. Ну, где он?

Бертран встал и направился напрямик к комнате, в которой находился раненый. Но сестра Анжелика, бросившись к двери, опередила его:

– Не смейте! Малейшее беспокойство убьет раненого!

– Бертран! – громко окликнул шуана папаша Брюно. – Ты спрашивал меня не так давно, почему мой сын не взялся за оружие и почему я не настоял на этом. Так вот теперь слушай мой ответ: я не хочу, чтобы мой сын участвовал в бойне, затеянной мародерами и душегубами.

– Ты кому это говоришь? Мне? – с угрозой в голосе спро-

сил Бертран.

– Тебе, кому же еще, – грозно сказал слепец, приближаясь к шуану.

– погоди, я отвечу тебе, но чуть позже, – прошипел Бертран. – Сначала я взгляну на этого подранка. Прошу меня простить, сестричка, – обратился он к Анжелике, – не вынуждайте меня применять силу. Мне нужно пройти, и я пройду, так или иначе...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.